

С. С. Уваров

Доклад императору Николаю I о славянстве

Из сведений и бумаг, сообщенных мне конфиденциально Графом Орловым, явствует, что несколько людей разного звания и происхождения осмелились под видом будто бы славянства, приступить к преступной мысли посягнуть на правительство и на общее спокойствие Отечества.

Нет никакого сомнения, что для охранения духа народного от заразы возмутительных идей необходимо было раскрыть в самом зародыше замышляемое преступление и что с надлежащей строгостью, виновные понесут справедливое наказание, по мере степени вины каждого.

Не дозволяя себе в частности никакого преждевременного заключения насчет окончательного вывода, впрочем, как кажется, довольно близкого, я приемлю смелость обратиться к некоторым общим видам, коим это дело дает особую важность и которые состоят в ближайшей связи с министерством, высочайше вверенном моему управлению.

По внимательном соображении особых обстоятельств сего дела, сколько оные сделались мне ныне известными, осмеливаюсь думать, что наказывая в лице сих людей нарушителей закона, посягнувших на общественный порядок, следовало бы, по многим уважениям, избегать всякого прямого указания на то, что корень сих заблуждений мог, хотя косвенно, находиться в пределах славянских понятий, не разрешив предварительно следующих важных вопросов:

- 1) Что такое славянство в отношении к России?
- 2) В какой мере можно отнести подобные заблуждения к влиянию славянства?
- 3) Не служит ли слово "славянство" только предлогом и завесою замыслам этого рода?

Постараюсь, в кратких словах, изложить главный вопрос, представив несколько данных, к разрешению следующих.

Мысль что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и ныне принадлежащие разным государствам, должны когда-нибудь, слившись в одно целое, возродиться в виде чисто славянского государства,

родилась в Богемии, за полвека, и мало-помалу овладела всеми ветвями славянского населения в Европе, сперва в литературном, потом в политическом смысле сего определения.

От этого движения усилилось повсюду стремление к языкам, истории, древностям, словом, ко всем остаткам славянской самобытности, взоры всех заграничных славян естественно обратились на единственное славянское государство, величие, могущество и процветание коего, как говорит один из Чехов, преданных России, "утешают и как будто вознаграждают прочих славян в раздробленном их угнетении".

Итак - не Россия пошла навстречу заграничным славянским идеям, эти понятия, пробудившись в других народах, приближались силою вещей к России, как к центру, в коем живет и бодрствует начало, давно умершее между прочими славянскими народами и которое они стараются воскресить и поставить в главе своих учреждений.

Но это стройное развитие соединенных ветвей одного обширного племени не могло долго оставаться в мирных пределах науки и чистого братства. Не касаясь изложения перемен и постепенного искажения этого благородного порыва, можно ограничиться фактом, что в настоящее время, частью от влияния общих тревожных идей, частью от возбужденных религиозных предрассудков, частью от собственных своих недоразумений европейское понятие о славянстве раздробилось на столько же отдельных ветвей, сколько состоит отдельных земель, в коих обитают славяне.

Еще должно заметить, что с тех пор, как начало колебаться и дробиться между западными славянами понятие об единстве главного вопроса, они более и более отделяются от русского начала, основанного на тождестве православия и самодержавия. Чехи частью хотят невозможное слияние славянства с западною церковью, и орган одной главной между ними партии Граф Лев Тун утверждает на этом основании, что чехи, сделавшиеся славянами, должны искать подпору не в русском начале, а в германском. Иллирийцы, далматы, венгерские славяне блуждают без ясной цели в тесном кругу туземных понятий и взаимных противодействий. Доказательством сему может служить прилагаемая при сем выписка из письма одного славянского литератора из венгров, в недавнем времени писанного.

От слишком тесных сношений со славянами, подвластными Австрийской империи, я неослабно предостерегал тех, на коих по долгу моего звания могу иметь прямое влияние. В бытность мою в Праге, я откровенно говорил корифеям туземного славянства, что доколе их труды и разыскания ограничены областью языка и словесности, мы не можем не

принимать живого в них участия, но что всякое присовокупление политических видов к этому делу не найдет в России ни отголоска, ни сочувствия, прибавя к тому, что, по моему убеждению, они вредили бы общему делу славянской образованности примесью политических начинаний и расчетов. Я имел случай слышать себе в Вене похвалу за добрые советы, данные представителям славянства, видимое охлаждение коих к моему образу мыслей было непосредственным последствием наших совещаний.

Что касается до славян, находящихся под владычеством или покровительством Оттоманской Порты, то они составляют как будто особое звено, близкое нам по родству духовному и умственному, но коего судьбы не имеют прямой связи с прочими западными славянами, увлеченными движением Европейских идей более, нежели мирным развитием славянского образования.

Некто Cyprien Robert, путешествовавший по всем славянским землям для исследования славянского вопроса, написал книгу, в которой заметны недоброжелательство к России и множество ошибок всякого рода, между тем, каким-то чутьем непонятным он выводит следующее заключение: "Из всего что я видел, я заключаю, что есть два панславизма, один русский, другой антирусский, но первый, имея свой центр в понятии о самодержавном государе и все относя к нему, должен, если не помешает европейская политика, поглотить противный дух другого славянства, не имеющего ни единства, ни центра".

И действительно, эти два славянства существуют совокупно: русское, другое нам неприязненное. Отбросив слово славянство, - что найдем мы под этой оболочкой? - ничто иное, как русский дух, источник нашего государственного начала, тот краеугольный камень, на коем твердою пятою стоят трон и алтарь.

Еще в 1842 году, по поводу некоторых внушений австрийского правительства, я писал к графу Нессельроду, с ведома Вашего Величества, что славянский вопрос представляет в отношении к нам две стороны: одну, которую можно употребить на возбуждение умов и к распространению опасной пропаганды, заслуживающей всю кару правительства, другая же сторона сего вопроса содержит святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, имеющую в пределах законного развития неоспоримое право на ближайшую попечительность правительства.

И ныне осмеливаюсь повторить то же самое определение ясно, что вопрос славянский представляет для нас некоторую сложность, но потому и требует особой предусмотрительности. В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к православию и

самодержавию, все, что выходит из этой черты, не принадлежит к этому славянству оно или примесь чужих понятий, или игра фантазии, или, наконец, личина, под коей злоумышленные стараются уловить незрелых юношей и увлечь мечтателей неопытных. С сей точки зрения можно бы положительно заключить, что в замыслах, кои теперь обнаружены перед правительством, слово славянство служило только недобросовестною завесою, под коею скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму, но избравшие славянскую, как сильнее действующую на сокровеннейшую струну русского сердца.

Доказательством сего могло бы служить не только печать украинского воззрения на всех перехваченных бумагах, в числе их и наизамечательнейший: Закон Божий, но преимущественно, что наперекор господствующему славянскому направлению, мы видим здесь следы какого-то слепого стремления провинциального духа к разъединению, когда, напротив, славянство, не ставя в счет ни географические, ни политические препятствия, неуклонно хочет соединения всех частей в одно, уничтожение всякого провинциального духа, слияния всех местных патриотизмов в один общий патриотизм, сосредоточения всех сих, в руках одного вождя и в недрах одной церкви. Ничего подобного не находим мы в перехваченных бумагах и я осмеливаюсь утверждать, что ни один восторженный, добродушный московский славянофил, кроме нравственного отвращения [к ним не проявил бы? и] не согласился бы, по своим понятиям вступить в тайный союз, цель которого были бы раздробление России или отделение одной или нескольких ветвей от корня обожаемого им всеславянского единства.

Да будет засим мне позволено изложить, в немногих чертах, меру участия, принимаемого Министерством народного просвещения в развитии русского славянства.

Когда за четырнадцать лет Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня управление Министерством Народного Просвещения, Вы, Всемиловитивейший Государь, изволили, при самом приступе к делу, поставить мне на вид недостаток в общих началах народного образования, нахождение воспитания высших классов общества в руках иностранцев, незнание всего русского в возрастающих поколениях, отсутствие твердой системы в учреждении разных степеней публичного воспитания, - и повелели мне избрать меры к достижению цели, Вашею мудростью указанной. Я не дерзаю безумно утверждать, что эта высокая цель вполне достигнута, но для собственного успокоения, памятуя о суждениях Вашего Величества, о доверенности Вашей, не изменившейся в течение

четырнадцати лет, посреди борьбы жаркой и почти непрерывной, я имею смелость заключать, что несколько успехов увенчали перед Вами ревность и старание деятелей, подвизавшихся на поприще, Вашим Величеством определенном.

Если мое заключение не ошибочно, то позволяю себе одно только замечание: к какому прибегнули мы средству, и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле: православие, самодержавие и народность? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана, и далее, все заговорило по-русски, все учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат? Если, наконец, публичное воспитание, без содействия запретительных мер, совершенно уничтожило частное, то не следует ли приписать это добровольное всех отцов семейств отчуждение иностранных воспитателей от образования их детей влиянию духа Русского, проявившегося во всех распоряжениях наших?

Для усиления и укрепления этого духа, Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного - к основательному изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узнанию истории, обнародованы иждивением правительства, между тем непрерывное наблюдение Министерства было устремлено на охранение, по мере возможности, этого стройного движения в пределах законной свободы и благоустройства.

С другой стороны, одно из главнейших моих стараний от самого начала состояло в том, чтобы помирить с нашими гражданскими учебными заведениями духовные власти, дотоле смотревшие не только с недоверием, но можно сказать, с отвращением на учреждения, сближенные с духом западного просвещения. И тут цель была достигнута не иначе, как посредством убеждения, мало-помалу распространившегося между высшим духовенством, что Министерство народного просвещения действует в духе русском, с твердым направлением к православию и самодержавию. Ныне

Министерство не встречает ни малейшего противодействия со стороны духовной власти, напротив, находит везде участие и доброжелательное к нему расположение.

Имеющиеся в настоящем деле сведения и показания достаточно, смею думать, утверждают, что если несколько лиц заразились вредными мечтами, то эту заразу они не почерпнули в университетском преподавании. Уповательно, что сведения, ожидаемые от генерал-адъютанта Бибикова вполне подкрепят эту истину. Тут по справедливости оканчивается область, к ответственности Министерства народного просвещения принадлежащая. Что могло происходить и происходит между частными людьми в сокровенных беседах, в тайных обществах, в излиянии чувств и мыслей наедине - все это падает в удел гражданских и полицейских властей и подлежит судебному или административному взысканию. Вообще я льщусь надеждою, что окончательный вывод всего дела положит резкую черту между славянством, столь истинно русским, что и не следовало бы называть его славянством, и между безумными покушениями горсти заблудших, скрывающих, под личиною славянства, побуждения, ему и чуждые и неприязненные, ибо осмеливаюсь повторить, что мысль о Славянстве, даже в своих заблуждениях, не имеет ничего общего с мелкими провинциальными мечтами нескольких лиц, тем более достойных наказания, что своим коварным безумием бросают тень на начало, в столь многих отношениях необходимое и священное.

Упомянув о провинциальном духе, нельзя не сказать открыто, что в брожениях, обнаруженных пред правительством, господствует не дух славянский, а какой-то отголосок украинских предрассудков. С полным чистосердечием приемлю смелость объяснить на сей счет мою мысль: Малороссия, верная престолу, непоколебимая в вере, питает действительно, в своих воспоминаниях, мысль о прошедшем, она на досуге жалеет о минувшей самобытности, о своем гетмане, о разгульном казачестве, об обращении в крепостное право вольных ее жителей, об утрате местных привилегий, может быть, об утрате вольной продажи горилки, но нельзя украинскому духу ставить в вину преступные замыслы нескольких безумцев, с коими, без сомнения, ни высшее сословие, ни туземное духовенство, еще менее неисчислимое большинство мирных и покорных жителей не имеют ничего общего. Дух Малороссии не причастен никакого коварного замысла; если он дорожит своей минувшей историей, то разделяет это чувство со всеми известными племенами, кои, по ходу вещей слившись с сильным племенем, потеряли свое отдельное значение и были принуждены признать

над собою владычество другого, могущественнейшего начала. Легко молодым, неопытным умам плениться поэтическим этим воззрением и увлечь себя и других далее черты благоразумия, но тщетно было бы, без сомнения, усилие поколебать основную верность жителей края, столь часто являвшего опыты преданности и самоотвержения. Виновны те, которые прямо или косвенно раздражая эту сокровенную струну, употребляют во зло тайные мечты, неразлучные с утратою гражданской самобытности.

По соображении всех вышеприведенных обстоятельств, не отвергая, что в нынешнем положении вещей следует усугубить все меры предосторожности и, так сказать, воспользоваться этими печальными явлениями, дабы отделить от плевел доброе семя, я считаю долгом всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет утвердить следующие меры в кругу Министерства народного просвещения:

1) Разрешить мне составить секретный циркуляр к начальникам учебных округов, в коем, в подтверждение прежних наставлений, будут им поставлены на вид меры предосторожности, коими они имеют руководствоваться при наблюдении по предмету Славянства, определив границы, в коих должно это дело оставаться для достижения полезной своей цели и устранения неудобств и недоразумений, могущих овладеть умами как учащих, так и учащихся, этот циркуляр представив в проекте на просмотр Вашего Величества.

2) Дозволить мне, по временам, представлять Вашему Величеству особые донесения о ходе сего дела, не только в наших пределах, но и за границу, когда оно будет являть новые стороны, не без важности для нас; это наблюдение довольно трудно, но по имеющимся источникам, я полагаю, что и движение заграничных славян достаточно мне известно.

3) Когда настоящее дело будет приведено к концу и перестанет быть предметом некоторого беспокойства в общем мнении, - повелеть мне, если б открылась в том нужда, употребить вторую половину лета на осмотр, в виде обыкновенной ревизии, Московского, Харьковского и Киевского университетов и учебных заведений, дабы в последствии можно было иметь верный вывод и дополнить, в случае надобности, нынешние распоряжения другими мерами, на местах соображенными.

8 мая 1847